

Эпизод \[140й]///

ТРУДНО ЛИ ЛЕТАТЬ

- >> РП капитан Федорцев (продолжение)
- >> Штурман аэ майор Рассадков (продолжение)
- >> Предварительная подготовка
- >> Одиночество – в афоризмах и диалогах из кино

5 октября 1972 г. (четверг)

— Уж небо осенью дышало,

□□□ Уж реже солнышко блистало,

□□□□ Короче становился день... Александр Сергеевич ПУШКИН, «Евгений Онегин»

Ну, блин, небесная канцелярия! Как началось наше лётное обучение с мерзкой погоды, так оно и заканчивается! Последняя неделя – то дождь, то облачность 10 баллов.

Я замечаю у наших уже одну особенность: кто из курсантов ни выходит из казармы, первый взгляд на небо – как погода? Это уже взгляд профессионала, это входит в нашу кровь, мы постепенно становимся настоящими пилотами.

Сегодня пришли на аэродром. Небосвод полностью закрыт облаками. Единственное, что утешает – нижний край 3800. Но видимость – не очень.

Зашли в лётный домик, стали проходить медконтроль.

В плановой вместо запланированной вчера одной заправки, на эту смену у меня запланировано две: полёт по большому кругу (для налёта), взлёт с «конвейера» полёт по малому. Но и то хлеб! Мне налёт необходим как воздух!

На предполётных указаниях звена Хотеев предупредил нас: кто зайдёт на посадку и сядет с подсказками РП, – до конца программы летать больше не будет!

Первый вылет у меня был через 30 минут после разлёта. Поэтому, не спеша, принимаю самолёт, с медлинкой залез в кабину, пристёгиваюсь. Саня Кириллов помогает влезть в подвесную систему парашюта, расправляет и подаёт широкие ленты ремней кресла. Потом начинаю сам с собой проходить тренаж – вживую представляя

себя в воздухе, снижение самолёта относительно земли и свои действия рычагами управления на посадке.

Вот выравниваю Эл. Вот один метр. РУД плавно убираю на малый газ. Самолёт снижается. Подбираю ручку. Ещё снижается, ещё подбираю. Касание земли. Рука переносится с РУД на пульт управления закрылками, не глядя, нащупываю кнопку выпуска закрылков во взлётное положение (пальцы уже прекрасно знают, где именно эта кнопка!), двигатель на максимал и доклад: «18й, пятнадцать!». И снова взлетаю...

Сегодня руководит полётами капитан Федорцев. Курсанты его руководство немного недолюбливают. Долго он думает, прежде чем дать какую-то команду.

К примеру. После выполнения задания в зоне докладывает кто-нибудь: «Такой-то задание в первой выполнил. Генератор работает¹» РП молчит. Курсант снова докладывает. Молчок. В голову курсанта начинают лезть всякие мысли, вроде: может у него на самолёте отказал передатчик? А ведь действия РП только и того, что дать ему высоту полёта на привод! И лишь после третьего раза Федорцев откликается. Ну что это за безобразие?!

Или случай на недавних полётах. Заходим на посадку с Хотеевым. Солнце светит прямо в лоб. Полукруглый плекс лобового стекла на Эле устроен так, что в этом случае лучи отсвечивают по всему периметру плекса, впереди видно плохо.

Да, так вот. Выпускаю закрылки в посадочное положение. Докладываю:

— 18й, полностью!

РП молчит.

Повторяю доклад. Снова молчание. А самолёт не стоит на месте, на скорости 200 км в час несётся к полосе, снижается. Выполнял бы я самостоятельный полёт – ушёл бы на второй круг, если РП не дал посадку. Но сзади сидел Хотеев. Ему тоже плохо видно ВПП. Но и он молчит. И мы идём на посадку. Вот уже высота 100 метров, и маркер ближнего в наушниках урчит. Повторяю свой доклад. И тут эфир откликается, но не голосом Федорцева, а знакомым баритончиком Вовки Журавлина:

— 19й – на полосе!

Всё осознав, сую РУД на максимал, и мы уходим на второй круг! Проходя над ВПП чуть в стороне, видим стоящую на бетоне Элку. Но ведь нам её не видно было из-за солнца! А Федорцев сидит на СКП и, наверное, лыбится: чего, мол, просить посадку, если полоса занята!? Он не может поставить себя на место пилота, находящегося в воздухе! Разве это – не предпосылка к лётному происшествию по вине РП? Ведь, промолчи Птица на старте, и что? Самолёт на ВПП не видел ни я, ни Хотеев! Что дальше? Куча помятого металла на бетоне и гибель четырёх человек?

Зато там, где не надо, квитанции выдаются мгновенно – ну, правильно, здесь думать не надо:

— 18й, на первом [развороте]!

Это информационная команда, по КУЛПу здесь ответ группы руководства не нужен. Но следует квитанция:

— Выполняйте!

— 18й на втором большого [круга], 600.

— Понял вас!

И так далее.

Мельников в этом отношении куда лучше.

«Как бы сегодня не обмишуриться», — подумалось я, включая радиостанцию.

Запустил движок. Подруливаю к СКП. Круг полётов в эту смену был необычный – левый, с посадочным 40°. Это из-за низкой облачности, что шапками раскинулась в районе третьего разворота правого круга.

Взлетел, выполнил полёт по большому кругу. Боже, как хорошо: летишь один в бескрайнем небе. Ни тебе Галаги, ни Хотеева. И самолёт подвластен твоим воле и действиям. Захочу – накреню и рассмотрю землю под собой, захочу – покачаю крылом какой-нибудь девчонке на земле. Пусть думает, что это ей!

Полёты по большому кругу почти ничем не отличаются от полётов по малому. Только маршрут пошире, подальше от аэродрома. Шасси перед третьим разворотом не выпускаешь. Высота – от 800 метров и выше (вместо 500) и скорость побольше – 350 км в час (вместо 300). Выполнил два прохода по большому кругу.

Затем снизился в малый, зашёл на посадку и приземлился точно у посадочного «Т».

Взлетаю с «конвейера». Упоительные ощущения полёта и свободы в воздухе. Заход на посадку. И снова безупречная посадка на «пять» баллов! Основное на посадке ведь что? Выдержать на планировании заданные 200 км в час. Ну, ладно, по секрету я вам скажу: я стараюсь держать скорость 210 – а на всякий случай! В этом случае сяду, конечно, немного с перелётом. Но это же не недолёт! С этой скоростью подвести Эл в точку начала выравнивания, контролируя правильность глиссады по высоте и направлению захода. Маркер ближнего привода должен начать бльмать при высоте не ниже 100 м. и до ВПП будет ровно один километр. Если при этом высота не ниже и не выше, значит, идём правильно, и РП вмешиваться не будет. Если ниже сотни, он станет орать: «Низко идёте, на оборотах!» Ежели глиссада повышенная, то и команды будут соответственно: «Высоко идёте! Снижайтесь на оборотах!» Почему в этом случае тоже на оборотах? А чтоб курсант не прибрал их и не потерял скорость.

Подводим Эл на один метр к бетону. А дальше – дело техники! Земля приближается, подбираем ручку управления на себя. Ещё приближается – ещё подбираем! Таким образом создаётся посадочное положение самолёту и условия, чтобы мягко сесть. Колёсиками о полосу: чик-чик-чик. И всё – мы бежим по грешной земле. Скорость падает, носовое колёсико опускается. Слегка придерживаем ручкой управления, чтобы его не ударить о бетон. Потом начинаем притормаживать. Резко тормозить нельзя – разуем колёса. К боковой рулёрке скорость должна быть быстро идущего человека. И вся премудрость!

Вот только всё это достигается множеством тренировок и практикой полётов.

А что, профессия лётчика мне, пожалуй, по душе. Скорее бы выпуск!

И вот подруливаю к стоянке. Саня встречает мой Эл, показывает куда заруливать. Выключил двигатель. Вылез из кабины.

«Ну вот, всё в порядке!»

Впрочем, хвалить себя рано – впереди ещё заправка.

Пока Санёк выполнял осмотр самолёта, я дозаправил наш Эл. Вызвал машину-воздушку. Дима, водитель воздухозаправщика – мой знакомый, солдат, не так давно прибывший после учебки. Познакомились случайно: на аэродроме, ещё в Круче. Во время полётов пошёл дождик. Я и прыгнул к нему в кабину, чтобы под дождём не тащиться в лётный домик. У меня в кармане было два яблока, одним я угостил парня. С тех пор Дима всегда здороваётся со мной или, проезжая мимо, обязательно мигнёт фарами: здорово, мол, Юрок. И всегда мне улыбается – улыбка у него широкая, открытая. Поэтому если воздухозаправщик нужен нескольким самолётам одновременно,

а Дима увидит у одного из таких Элов меня, вызывающего воздушку, он всегда первым делом подъедет к моему самолёту. Вот и сейчас, разматывая шланги своего заправщика, он посматривает на меня и улыбается.

— Летал? Нормально? Юр, я тебе завидую! Когда-то в детстве тоже хотел стать лётчиком. Но вот стал шофёром! — улыбается он, посматривая, как я подключаю торец шланга к самолёту.

— Ты – шофёр на машине, я – на самолёте! — киваю ему. — Какая разница?

— Вот уж действительно, — смеётся Дима, — можно подумать, разницы никакой!

Эл закачен воздухом до 150 атмосфер. Поблагодарив Диму, усаживаюсь на крыло. Парень, подняв руку в приветствии, отъезжает. А я расслаблено поприветствовал его в ответ (спасибо, мол) и откидываюсь на фюзеляж.

— Юрик, аппарат к вылету готов! — подходит Сашок. — Будешь смотреть?

— А чего его смотреть? Я осматривал его перед прошлым вылетом. В полёте меня никто не атакывал, по мне не стреляли с земли, сел я нормалёк. А главное – ты его посмотрел, самый лучший техник в полку!

— Юр, положено!

— Да? — внимательно смотрю Саше в глаза. — Ну, если положено...

Поднимаюсь, прыгаю на землю. И иду по установленному маршруту принимать авиатехнику. А Саша поднимается к кабине, чтобы расправить для меня парашютную подвесную систему.

Потом расписываюсь в бортовом журнале, надеваю подшлемник и шлемофон, залажу в кабину. Саня помогает мне пристегнуться.

И вот я в воздухе. Первый разворот выполняю подальше, круг делаю пошире – чтобы значит, налёт был побольше. Так же строю маршрут полёта и во втором проходе. Потом на четвёртом развороте докладываю:

— 18й, на четвёртом 600 – 040.

— Выполняйте к первому, свободно!

Зашёл в малый круг, сел. Взлетел с «конвейера». Зашёл на посадку. Всё чисто, всё, на мой взгляд, безусловно.

В прекрасном настроении заруливаю на стоянку. От этого моего состояния и Сашок заряжается.

— Видел, как ты сел – плавненько подвёл Элку к бетону. И колёсами о полосу: чирк-чирк! — и Саша шлёпает меня по спине. — Хорошо посадил!

— Не «хорошо», а «отлично»! — заулыбался я в ответ. — Стараюсь!

Иду к лётному домику. На встречу старший лейтенант Июмский:

— Кручинин, ты опять там что-то в воздухе напортачил?

— Что напортачил?

— Иди к Рассадкову, там узнаешь!

Ну, ни хрена себе! Отличного настроения как не бывало!

Подхожу к штурману эскадрильи:

— Товарищ майор!..

— Так! Снова ты? Ну, давай, рассказывай свой полёт по большому кругу!

Я пожал плечами, собираясь с мыслями. А сам думаю: где же я мог проколоться?

— Взлетаю! Первый разворот выполняю на удалении...

— Рассказывай свои действия после третьего разворота! — перебивает меня штурман.

— Иду к четвёртому...

— Кто бы мог подумать! Правильно! Дальше!

— Выполняю четвёртый с докладом РП...

— Так! Ты видел меня? Я был на четвёртом малого круга, заходил на посадку, когда ты запросился в малый круг!

— Нет, — признался я.

— А где надо сношение... тьфу, чёрт, снижение в малый круг запрашивать?

— Над дальним приводом!

— А ты где начал снижаться?

— Так ведь надо было докладывать, что нахожусь на четвёртом.... Мне РП разрешил! У вас на кругу над дальним при заходе на посадку было 300 метров! А у меня – 600! Я снижаюсь до 500, эта высота будет у меня в районе первого разворота, а вы уже будете по ВПП бежать! И... мне РП сказал, что свободно!.. Я что, не должен выполнять команду руководителя?..

— Вот-вот! «Свободно»! А потом твоя мама придёт ко мне и будет говорить, что убили её сыночка Юрочку!

— Товарищ майор, да мне РП разрешил снижение!..

— Доложите командиру экипажа, что я вас отстраняю от полётов на завтра!

— Товарищ майор!..

— Всё! Идите!

Твою мать! Одно к одному! Правильно говорит Хотеев: «Не успели забыть одно г*вно, как новое на поверхность всплывает!» Ну что, у них других взысканий нет, кроме отстранения от полётов?!

<<<*><<*><>>

Вечером на разборе полётов снова мыли мой позывной: «18й» да «18й»! Будто других позывных в эскадрилье не бывает! Вон неделю назад Белуга приложил самолёт о континент так, что правое колесо пришлось менять. Но об этом молчок – полетали и забыли. Бархомов сел с огромным перелётом – ошибка только разобрана. Белобородько на подсказках РП сидел, чуть до полосы не бахнулся. Галага откозлил. Сэм садится с плюхом. Журавель на прошлых полётах так высоко выровнял, что аж Мельников, усадив его, проговорил, что чуть заикой не стал (я был планшетистом)... А тут... Вот уж этот Кручинин! Не курсант, а ходячая, вернее, летающая предпосылка!

— 18й, не выдерживает эшелон по большому кругу, — диктует Трошин на разборе в экипаже.

Он стоял перед нами хмурый. Инструктор всегда принимал близко к сердцу, если на офицерском разборе поласкали позывные курсантов его экипажа.

— Как, «не выдерживает»? В каком смысле? — возмутился я.

Инструктор поднимает на меня свой взор.

— Какая у тебя была высота?

Я поднимаюсь с места:

— 600 метров.

— И ты её всё время держал?

В ответ киваю.

— Ну не знаю! Иди к майору Рассадкову, разбирайся! Он отстранил тебя от полётов!

— Чего тут разбираться? — я сажусь, не дожидаясь разрешения. — Уже

отстранили ведь!

Трошин пожал плечами.

Тут в комнату влетает Хотеев:

— Так! Курсанты! Слушать внимательно! На завтра!.. Передышко!.. Записывай!

Пишешь?

— Пишу, товарищ капитан! — Шурко склоняется над тетрадью подготовки.

— Летаешь на хэбэ²! — Саня разочарованно закрывает тетрадь и отодвигает её. — Журавлин тоже... Самойченко – дежурным по старту на всю смену... Кручинин... — командир звена делает многозначительную паузу и я напрягаюсь. Приготовился уже закрывать свою тетрадь.

— Кручинин... Так!.. — Хотеев посматривает то на меня, то на свою плановую, как заправский садюга тянет время. — Кручинин – один строй контрольный и два самостоятельных!

Я начинаю цвести и пахнуть! Победно смотрю на Трошина. Он даже головы не поднял. Но по виду можно понять, что, как инструктор, он этого не одобряет! Ведь нарушаются все принципы педагогики.

А плевать мне на вашу педагогику! Я завтра выполняю три заправки! Целых три! И строим, в составе пары, в качестве ведомого! Это же интересно, чёрт возьми! Как это интересно – летать! Вы бы это знали!

Пока Хотеев диктовал мне, когда, на каком самолёте и по какому упражнению я лечу, Трошин куда-то пропал. А когда снова появился, сообщил:

— После предварительной – к майору Рассадкову! Он примет у тебя зачёт по границам малого и большого кругов.

— Понятно!

Наверное, наш инструктор бегал к штурману! Неужели просил, чтобы меня всё-таки отстранили? С него станется!

В конце предварительной разыскал штурмана. Но он был занят.

— Завтра подойдёшь на предполётной.

— Есть!

Но ничто не остаётся незамеченным. Перед ужином Ерёменко мне по секрету рассказал, что к Рассадкову подходил мой инструктор:

— «Товарищ майор! — говорит. — Вы же Кручинина отстранили! А его запланировали! И куда – строим!» — «Так ты должен радоваться, что твои курсанты больше летают!» — смеётся Рассадков. — «А чего радоваться? Он опять чего-нибудь напортачит! Опять его позывной будут склонять на разборе!» — «А ты учи его лучше! Это же курсант! Рассказывай ему больше, спрашивай!» — «Да ведь не педагогично это: отстранили, а потом планировать!» — «Ты видел его испуганную физию, когда начали говорить об отстранении от полётов! Пусть летает – налёт у твоего Кручинина маленький... Валера, Кручинин у тебя нормальный парень! Что вы на него все взъелись? Мне вон тоже, когда вожжа под хвост попадёт, начинаю махать шашкой! Больше будет летать – ошибок будет меньше». — «Нормальный, если б болтал поменьше!» — «Болтает, говоришь? Плохо! Ладно, пусть подойдёт, расскажет полёт по большому и по малому кругу. Маршрут, параметры, где снижается, как заходит! Это ему тоже на пользу пойдёт!..»

Рыжий рассказывал всё это в лицах, прямо в курилке, расслабленно откинувшись на скамью.

— А ты что у Рассадкова делал? — спрашиваю.

— Что, что! Я Юре зачёты по району полётов сдавал! В радиусе пятьдесят... — и Витька потянулся. — ...километров.

Во всей этой истории для меня неприятных было два момента: во-первых, то, что Трошин сам настаивал у штурмана аэ, что меня надо-таки отстранить от полётов; а во-вторых, этот разговор слышал Галага! И это самое хреновое! Он тоже сидел здесь, в курилке, разговаривал с Вовкой Журавлиным. Но как только Ерёменко начал своё изложение диалога Трошина с Рассадковым, сразу уши наострил. Может ведь, сучонок, и к инструктору подкатить с очередной какой-нибудь гнусностью про меня (а Валерий Иванович, судя по всему, уже готов всё плохое обо мне воспринимать с доверием), и к Юре Рассадкову! И ведь не проконтролируешь этого хмыря! Чёрт его знает, что у него на уме!

Вдогонку:

••>> — *Прежде попроси прощение!*

□□□□□ — *Прощение? За что?*

□□□□□ — *За то, какой ты есть!*

Из ит. худ. сериала «Борджиа»

••>> *Высота одиночества не прощает фолов*

□□□□□ *Ни на рыночной площади, и ни в питье за столом,*

□□□□□ *А мне судьбою назначено вверх ползти по хребту.*

□□□□□ *Пропускаю стаканчик я за свою Высоту.*

Александр РОЗЕНБАУМ, «Высота

одиночества»

Tutti frutti³
<<•>> «Ты пишешь, что ты одинок, говорить тебе не с кем, писать некому... Непонятно мне одно: в твоём письме плачь о том, что ты слышишь и читаешь – ложь, что она тебя оскорбляет и доводит тебя до нравственной рвоты от пресыщения пошлости. Ты, бесспорно, умный и честной человек! Неужели ты не прозрел, что в наш век лжёт всё? Поставь себе клизму мужества и стань выше этих мелочей...» Из письма Александра ЧЕХОВА своему брату Антону Чехову.

<<•>>

<<•>>

«Я в этой Ялте одинок, как комета. Живу кое-как, день прошёл – и слава богу, без мыслей, без желаний, а только с картами для пасьянса и шатанием из угла в угол».

Антон Павлович ЧЕХОВ, из писем

<<•>>

<<•>>

Нехорошо человеку быть одному. Но, Господи, какое же это облегчение!

Джон БАРРИМОР

<<•>>

<<•>>

Расстроенный, поехал на дачу, где провёл вечер в высоком одиночестве.

Александр ИЛЬЯНЕН, «И финн»

<<•>>

<<•>>

Одиночество – порождение общества. Чем многолюдней общество, тем сильнее одиночество.

МЕЙДЗИН (наст. имя Алексей ГУСАРОВ)

<<•>>

<<•>>

Истинное одиночество – это присутствие человека, который тебя не понимает.

Элберт Г. ХАББАРД

<<•>>

<<•>>

Уметь выносить одиночество и получать от него удовольствие – великий дар.

Бернард ШОУ

<<><•><>>

<<•>>

Человек закован в своё одиночество и приговорён к смерти.

Лев ТОЛСТОЙ

<<><•><>>

<<•>>

Одиноким себя делает только сам человек...

Эрика ДОН

<<><•><>>

<<•>>

Одиночество – это когда хочется испортить настроение, а некому.

Геннадий МОСКВИН

<<><•><>>

<<•>>

Может быть, меня уже нет... Только боль осталась и лохмотья крыл. И ещё голос, который всё пытается что-то прокричать людям, а из порванного горла – только хриплые стоны.

□□□□□ Я ишу всё время кого-то среди толпы, но вижу лишь лица. Я не хочу быть одинокой, но я всегда одна. Все, кого я любила... люблю... их нет, а может быть и не было, может, я не могла любить... и не могу...

□□□□□ Я плачу (как же часто я плачу!), этого никто не видит... Вообще, никто не знает, сколько раз я звала свои последнюю жизнь, имя которой Смерть. Бежать некуда. Остаётся лишь медленно плестись по этой дороге, со своей вечной болью и одиночеством, но с высоко поднятой головой, всё равно никто не хочет замечать души, так пусть видят лишь холодно-равнодушные маски мира иллюзий... Я буду... пока могу идти. Пока дышу и после. Я верю, что дорога приведёт домой. Я верю в наши крылья.

□□□□□ Я верю – мы ещё летаем... Кира Анатольевна, «Я устала быть сильной...»
(псевдоним автора на одном из литпорталов)

<<>

<•><>>

<<•>>

Когда вы встретитесь с Черчиллем впервые, то сразу заметите все его недостатки, а потом всю свою остальную жизнь вы будете обнаруживать все новые его достоинства.

Памела ПЛАУДЕН, первая любовь У. Черчилля

<<><•><>>

<<•>>

Если хочешь идти быстро – иди один.

Из записных книжек офицера разведки

<<><•><>>

<<•>>

— Истинное счастье невозможно без одиночества. Падший ангел изменил богу, вероятно, потому, что захотел одиночества, которого не знают ангелы.

Антон Павлович ЧЕХОВ, «Палата № 6»

<<><•><>>

<<•>>

— Русские люди вообще широкие люди... широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности.

Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ, «Преступление и наказание»

<<><•><>>

<<•>>

— Не учите меня жить!

Илья ИЛЬФ и Евгений ПЕТРОВ, «Двенадцать стульев»

<<><•><>>

<<•>>

— Я одинок, как Робинзон!

Из худ. к/ф-ма «Покровские ворота»

<<><•><>>

<<•>>

— Независимо от того, хочется мне этого или нет, я пытаюсь наладить контакт с людьми, сделать шаг навстречу...¹

□□□ — Иногда для этого требуется усилие...¹

□□□ — Да... Я думаю, все люди стремятся к одиночеству, но вместе с тем, они хотят разделить свою жизнь с кем-то. Из публ. к/ф-ма «Мерелин Монро. Я боюсь...» <<><•><>> <<•>>

>

Ты должен быть один!¹

□□□□ — Я много чего должен! Но сегодня я не один! Из америк. худ. сериала «Андромеда» <<><•><>> <<•>>

— Не хорошо, что ты всё время сидишь один!¹

□□□□ — Я так хочу! Из америк. худ. сериала «Подпольная империя» <<><•><>> <<•>>

— Я говорю обо всех женщинах, к которым ты неравнодушен!

□□□□□ — Кэмерон не идеальна!

□□□□□ — Никто не идеален!

□□□□□ — Мать Тереза!

□□□□□ — Умерла!

□□□□□ — Ангелина Джоли!

□□□□□ — Она же – не врач!

□□□□□ — Кто теперь придирается?

□□□□□ — Ты умрёшь в одиночестве, Хаус! Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус» <<><•><>>

<<•>>

— Вы кого-то ищите?

□□□□□ — Я, кажется, нарушил ваше одиночество. Простите!

□□□□□ — Одиночество необходимо, как воздержание в еде, но губительно, если длится долго.

□□□□□ — О, одиночество, как же ты многолюдно! Из худ. к/ф-ма «Вербовщик» <<><•><>> <<

<>>

•>>

— У одинокого другая жизнь!

Из америк. худ. сериала «Безумцы»

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки

(по пятибальной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

¹ Доклад о работе генератора – недавно введенное новшество. В Черниговском

ВВАУЛ курсант не заметил загорания лампочки отказа генератора, во время не зашёл на посадку, растерялся, выпускал шасси аварийно, закрылки не выпустил, подошёл к ВПП на повышенной скорости, сел с перелётом, выкатился и поломал самолёт.

² Летать на «х.б.» (*авиационное, неценз.*) – «на х*ю боком».

³ Tutti frutti (*ит.*) – Всякая всячина.